

Наде Делманов

Сон на краю

Надя Делаланд

Сон на краю

Москва

«Воймега»

2014

УДК 821.161.1-1 Делаланд
ББК 84 (2Рос=Рус)6-5
Д29

Художник серии: Сергей Труханов

Н. Делаланд
Д29 Сон на краю. — М.: Воймега, 2014. — 48 с.

ISBN 978-5-7640-0157-9

© Н. Делаланд, текст, 2014
© С. Труханов, оформление, 2014
© «Воймега», 2014

Гербариум теней

* * *

Гербариум теней, библиотека лены
и имени её, сухие мотыльки
под лестницей летят, блестя попеременно
то мёртвой головой, то крылышком руки.
Так снятся этажи сознания — и гулко
и мраморно в костях под куполом, и я
спускаюсь, шебурша шелками, в переулки
хранилищ мотыльков и их нежибытья.
Вперёд, ещё абзац пройди такой же полный
пробел и выходи всей бабочкой в окно,
в озоновую глубь, где можно и не помнить
откуда, и куда, и кто. Куда и кто.

* * *

Медленно обучаюсь передавать
вещи на небо буквами, запастись
памятью, передав на неё права,
не дожидаясь всяких таких вот санкций,
чтобы потом — оттуда, где нет дышать,
где остановка времени и пространства
прорезь, — читать по памяти, завершать,
переводить обратно, так и остаться,
чтобы свести под общий и, сидя в нём,
с не языка другого — в язык и — этот,
руки держать на оба, взять их вдвоём,
быть их вдвоём, свести на себе два света

клином одним заклинило так и вот,
Господи, посмотри на мой перевод.

* * *

Лесов таинственный осень
резной прозрачный сухостойный
дыши листвою не окосей
от столька

Но запах втеплится в нору
между корою и грибами
ляг на живот его берут
губами

Там пушкин спит и тютчев спит
и мандельштам иосип бродский
заснул устав бороться с ним
устал бороться

Роняют руки свет несут
прозрачнеют и снега просят
и держат держат на весу
осенью осень

* * *

Отходи в сторону, не иначе
сонное дерево, ветрюган,
всё, что упало к его ногам,
умерло — листья, собака, мяч.
Вот оно — я отвожу глаза,
дичь распостёрло ветвей и над
ужасом смотрит, как сходит в ад
осень, собаку на руки взяв,
в землю, под землю, слегка дрожа,
листьями походя шевеля.
Вот оно: примет меня земля,
буду и я колоски рожать.

* * *

перинатально спит на краю зимы
морщится трогает лапкой кусочек неба
маленький март — заснежен ещё зернист
полупрозрачен — видны на просвет все нервы
тёмные ветки полны тишины весны
если кусать их медленно и небольно
пульс пробужденья жизненных сил лесных
ритм оживанья мёртвого и рябого
вникнет и отзовется на все лады
ветка предчувствий — листьев чесотка почек
тянущих клювы — смерть принимают льды
молча уходят молча уходят молча
толщею ожидания прикрыт и спит
скоро начнётся — вот уже гул подземный
эхом тоннелем входит в мои виски
и сквозь меня на вечный приход глазеет

* * *

Прерывисто дыханье сквозняка
в щелях поддверных и сбокуоконных,
дурного сна гнусавый пересказ
пытается с собой во сне покончить,
и дышит, дышит, прорываясь в явь,
и гипервентилирует упорно
нелёгкие предметы, их края,
светящиеся дрогнувшие створки.
Твой мир заходит за полночь, сопя,
похрапывая, щёлкая суставом,
но только там, где никогда не спят,
проходит безысходная усталость.
Мой слух, он — это линия руки,
течёт через две раковины бледных
и чувствует, что вдохи нележки
и выдохи как будто бы последни.
Предметы притворяются собой,
но ночью, но-но-ночью всё выходит
из-под контроля и Твоя любовь,
дыша, в меня их обмороком входит.

* * *

перестану узнавать
кто зашёл в мою палату
лица станут как заплаты
и когда влетит пернатый
ангел с клювом виноватым
ляжет рядом на кровать
грустный маленький горбатый
я возьму его с кровати
колыбельно напевая
чтобы ртом своим кровавым
навсегда поцеловать
и когда окно погаснет
и остынет
отпусти и не ругай нас
и прости нас
видишь крыльями свистим
над проводами
проводи нас отпусти
нас не ругай нас
над дорогою над рощею над речкой
облаками освещёнными сквозь пальцы
не владея больше мимикой и речью
машем крыльями тебе смеёмся плачем

Проводы

Е. Г.

1

Проводы. Сорок дней.
Шкурки в мешке шуршат,
чувствуют, видно, снег,
с ней уходящий, смех
мёртвых бельчат, мышат,
шах, — говорит мне слон, —
мышы, — ему пишу, —
съели запасы слов,
нам ещё повезло,
что остаётся шум,
шорох, дыханье, смех,
Тютчев, конечно, Фет,
жизнь остаётся, смерть,
жизнь, остаётся смерть,
жизнь, остаётся, смерть.

2

Вот умрёшь, и увидишь, что ты жива,
и поймёшь, что я-то была права
и что влага глаза и рукава
у меня от радости грусти.

Радость грусти — это слова, слова,
ты — жива, жива, ты — жива, трава,

синева небес, и вода, и ва —
даже воздух — лёгкий и устный —

всё осталось слаженно, смещено
только дно глазное и неба дно,
и одно, лежащее там, одно
в полумраке времени смутном...

Но оно устало, оно — окно,
что ослепло, стало твоей стеной,
старый дом свой, сломанный свой земной...
в теремочке кто там? кому там?

Смерть страшна для тех, для кого страшна.
Просыпайся, больше не бойся сна,
обниму тебя, можешь дальше спать
и не спать. Нельзя обернуться.

Можно дальше. В огненный жаркий шар,
не дыша, дыша, не дыша, на шаг,
не мешай, на шаг от карандаша,
переведшего смерть в герундий.

Или — жизнь. Слова затемняют смысл,
превращая ясность глагола в сны,
умирая, мы продолжаем слыть,
словно луч — от света и к свету.

Плыть, лететь и длиться, расти и мыть
зеркала от пыли, окно тюрьмы
растворилось в свете, в устах немых
мы не мы, и в смерти нет смерти.

3

Я запомню: как ты машешь мне рукой,
смеёшься, стоишь на балконе,
маленькая, уменьшающаяся — такой
я тебя и запомню.

Остальное приложится (что сделает?) и тогда
возникнет из ставшей тобою точки,
разом покрыв осколки, что та вода,
разом покрыв осколки.

Так срastaются черепки из обратной съёмки
в старом кино, где девочка, кокнув вазу,
просит цветок об этом, и я спросонок
вспомню тебя — всю разом.

* * *

смотри уже осень летит с подоконника в сад
и я тебя очень но что нам об этом писать
у сердца над домом колёсики смерти стучат
мой сервер раздолбан и некуда вставить (молчать!)
полжизни которой я шла до тебя без тебя
смотри уже скоро и небо начнёт облетать —
холодным и строгим всю осень мою занесёт
и книги и ноги и губы и волосы — всё
на родственный отзвук потянутся корни и рты
я рядом я возле мне кажется я это ты
диктант на проверку — согласна не произнесу
молчу суеверно но — главное самую суть

смотри уже дремлет с дремучего дерева лист
с задумчивым креном к молчащему центру земли

* * *

Год на девятом месяце — всюю
толкается желтеющая чаща
неймётся на берёзе карасю
и голубь в луже маленький и спящий
(спокойной ночи радость) помнит как
он пил её а анна иоанна
несла крупу в трепещущих руках
легко переступая всякий камень

Дно сентября усеяно тоской
по ино бы по кляксам руковетким
взбираешься качаясь где высок
простор небес и плачешь незаметно
широкошумен позадитый мир
да погоди ты — всё ли ты оставил
(оставил взял) деревьями людьми
небесным сводом рукописных правил

Комароморы прыгают в воде
и в жажде поцелуя замирают
зелёные здесь нет меня нигде
я где-то выше по течению раньше
по времени по тексту по всему
листай листай ищи меня повсюду
подозревай во мне мышей и мух
и серый мох и тронутый рассудок

Пора вставать
из тьмы небытия
кровавым солнцем лопнувшим сосудом
из онеменья рук — факир был пьян
но ты дыши — уже вторые сутки
и нету сил и даже чтоб рыдать
в бессилии осеннем темно-синем
нет мамочки теперь уж никогда

спасибо

* * *

Это — ноябрь, рассмотри его медленно, жук,
чтоб, засыпая в хитиновой шкуре, ты снился
небу его, сторожам его, вызволив звук —
из небытья, из темницы. Букетик мелиссы

пахнет расплывчатым летом в соседнем лесу.
Это ноябрь, собирай свои шмотки и ехай
(как говорят в москвошвее), и денег не суй,
чтоб задержалось, хотя бы — ответило, эхо.

Бабочки, птицы, жуки, полевые мыша,
белки, лягушки и волки — растите большими,
спите спокойно, всё зиму исправно дыша
в норах, дыша, совершая такую ошибку.

Я продолжаюсь, и в самой глубокой норе
спят обо мне этот сон подозрительно длинный.
От ноября не уехать — в нём нужно стареть,
в рифму ссыхаясь с листвой, с терракотовой глиной.

* * *

Не дари ты их мне — ни живых, ни мёртвых,
ни в тюремных горшках, распустивших нюни,
ни в торжественных похоронных свёртках,
подари мне поле цветов в июне.
А слабо — всё поле? Чтоб днём и ночью
стрекотало, пело, жужжало рядом,
семантическое, ага, в цветочек,
в мотылёк, в кузнечик, в листок дырявый.
Я бы этим полем твоим владела,
любовалась, глаз с него б не сводила,
и вдыхала запах бы и балдела,
и бродила, и хоровод водила.

* * *

Шла и посвистывала дырочкой
в боку, где что-то достучалось
и вылетело, разом вычеркнув
все радости и все печали.

Следя за ним, без ускорения
взвивающимся над домами,
пока ещё хватало зрения,
звенела мелочью в кармане.

Потом рассматривала лестницы
и бледный обморок балясин,
кусочек штукатурки в плесени,
скамейку, дерево, коляску

и думала, как всё бессмысленно,
и холодела грудь сквозная
пустая старая отвислая
распахнутая, где — не зная —

летучее пернатокрылое
всесогревающее пламя
какою черепицей прыгает,
с какого перепугу плачет.

Чем, чем заткнуть сие отверстие,
которое свистит и воет
и корчит в небо рожу зверскую,
кривую корчит неживое.

* * *

в оба жаберных сердца качая утренний
сыро-копчёный осенний воздух
несётся октябрь восьминогий

чернильный такой или к пиву

заканчивается

застыв на пуанте
качаясь что тополь
под солнечной бездной
над водною гладью
и неуловимо

в дыханье и пульсе
во всей худобе своего красноречья
(лопатки и плечи там)
снимает с себя ожерелья и шали
роняет и плачет

* * *

Слава Тебе, показавшему мне свет,
воду, траву, сороку, луну, снег,
небо любого цвета, детей, дни
оны, трамвай, который идёт в них,

книги, дороги, парки, листву, смех
мамы, кота и рыжий его мех,
гулкий колодец, поезд, стихи, дверь,
чтобы одна я, чтобы меня не две,

осень, весну, рождение и, да, смерть,
радость дышать, наваждение вообще — петль,
вишню в цвету, Пастернака, латынь, мох
северной стороны, росамах, блох,

шторы, камин и танец его огня,
старость, носок на спицах, покой, меня.

* * *

хочу быть крепкой старухой
сухощавой девяностолетней бабкой
благословляющей Бога
сходившей утром к колодцу
сварившей правнуку каши
прилегшей вздремнуть на лежанку..
на окнах сквозняк ловит ситец
весна задыхается в небе
мурлыкает кошка под боком
старушечьим мёртвым но добрым

* * *

Молчит ночная фаланга света
молочнотёплым телячьим телом,
ребенкоспящим, сосущим слепо,
слепососущим, немовспотелым,
собаколунным, собакобыко,
пиши мне в небо на этот адрес,
за всё отвечу, за всё и быстро
все отвечают, как оказалось.
Я помню тяжесть твою в походке
моей, я помню привычки, вкусы,
я ела кальций и мяту, хочешь
теперь всё то же, но только — устно?
Другие связи, другие сети,
земной объявлен сегодня поиск.
Но браки — там, и оттуда — дети,
пиши мне чаще, я беспокоюсь.

* * *

Посмотри в окно — всё ветрым-ветро,
око ветра льнёт, косо сеется,
се февраль грядёт, слеповатый крот,
снегороющий, крайне северный,
я ползу с детьми рюкзакастая,
мне самой смешно, страшно весело,
что с рассвета и до заката я
бытовое всё это месиво,
словно сон смотрю свой беременный,
зимоатомный: сани тяжкие,
что за жизнь моя в этом времени
кем-то сужена-разнаряжена...
Распределена и — работаю.
Отработаю и — куда потом?
Кем я вырасту с той заботою
из земли — весной — кверху ртом?

* * *

ошеломлённые они стекают вдоль
и лица пламени качаются тенями
не выгоняй меня привратник здесь мой дом
и долгих улиц повороты между нами
уже прошли уже свернулись и болят
в сутулых сочленениях и рифмах
здесь вход туда тут выход на поля
огромной распахнувшейся молитвы
калитка ввысь земной остаток дня
чай недопитый сонный всхлип соломы
меня чуть-чуть не прогоняй меня
из моего единственного дома

спать на полу подсунув под висок
комок одежды пол у нас дощатый
и освещенье с той наискосок
иконы понимания и счастья

возьми с собой в дорогу этот хлеб
(и это тело) я взяла в дорогу
пришла пора вернуть вернуться нет
пройти по кругу подойти к порогу

и разойдутся стены фокус вдруг
сменив пойму что их и не бывало
что я всегда могла принять вокруг
влюблённость сине-жаркого провала

входи и плачь в наш деревенский храм
намокнут доски потемнеют лики
такое тело выбрал тот кто храбр
он так — так даже больше — был велик он

вода в купели вздрагивая спит
и ждёт ребенка брат крестился взрослым
танцуют приподнявшись на носки
большие прихожане в каплях воска
поёт старуха с голосом воды
оконный прорубь движется и тает
снег оставляет мокрые следы
монах склонившись долго их читает

* * *

Воды крещенской иглы, синева
теней, перебегающих по снегу
на цыпочках. Опять тебе зима.
Я привыкаю к холоду — давай,
как в прорубь сиганувшие с разбегу,
ненужную одежду, плоть снимать
и подниматься паром над котельной,
синеть глазами — так навывлет синь
простреливает голову и видит
крест то ли ключик золотой нательный
двоится и блестит или висит
или плывёт в воде до воскресенья.

* * *

Вестибулярный снег осваивает круг,
пощупав за лицо узбека от лопаты,
он кружится вовсю и презирает труд,
ложится и лежит, идёт и будет падать.
В блестящей толчее почти не разобрать,
как небный язычок дрожит из подворотни,
не бойся, я своя и ко всему добра,
пусть это не пароль, зато бесповоротно.
Шарф скроет или нет, как здесь пустует речь,
шепча и бормоча, тарашась воровато.
Ребячество — вот так идти, лететь и лечь,
и навзничь на сугроб. Так вроде — старовата.
Вся оптика моя — смотреть сквозь микроскоп
снежинки на простор, с которым нужно слиться,
кружиться головой, удариться виском,
проспендить выходной на даче с мёртвой птицей
за изгородью. Вот, проснувшись лет шести,
я снова от неё перо найду в кровати,
снег тужится забыть, и память — замести
весь ужас небытья. Мы складывали в вату
стеклянные шары и шишки, мишуру,
гирлянды и звезду и прятали коробки.
Так глупо, если снег, и если я умру,
но — если снег, то как всё правильно и просто.

* * *

Господи, помилуй снег
мартовский, в потёках туши
улица, помилуй всех,
Господи, идущих, ждущих,
едущих, помилуй смех,
шёпот, крик, молчанье, лепет,
Господи, помилуй снег,
красоту всю и нелепость
сущего, в его лице
падающего идущего
собой по улице.

Происки ЖИЗНИ

* * *

Деревья в обмороке лютom,
разрозненно сияет дождь,
выныривая поминутно,
бежит сентябрь через дрожь.

Здесь, на пригорке, пахнет светом
и яблоками, дни слились
в один и тянутся бессмертно
за взглядом капельками ввысь.

Когда я вырасту, я стану.
Ну а пока могу и так
стоять сквозь сон с лицом усталым,
пока совсем не перестать.

От птиц завязан узелками
провисший провод — нотный стан
с одной линейкой, с заиканьем
печали, сыгранной с листа.

С опавшего листа на чёрном,
и осень ест себя за хвост,
повизгивая увлечённо
между кружащихся берёз.

* * *

Я живу в Домодедово, около леса,
где пушат одуванчики рыльцами вверх,
где июнь только начался и неизвестно,
где закончился август, сваливший от всех.

Где немного та гусеница и лягушка,
у которой в воде зеленее рука,
но ещё — куст малины, крапива, кукушка,
тишина, наступавшая издалека...

Постепенно входя в этот воздух составом
своих мыслей, я думаю, что никогда
не исчезну, хотя бы немного останусь
улыбаться дождю из лесного пруда.

* * *

Смеющихся громко, бегущих под ливнем,
смеющихся тихо и прячущих слёзы,
совсем одиноких, безумно счастливых,
больных и здоровых, смешных и серьёзных,
кричащих с балкона, поющих под домом,
роняющих папки с листами доклада,
стоящих у лестницы, пьющих боржоми,
нарзаном измученных, тех, что украдкой
смотрели, и тех, что не прятали взгляда,
идущих не в ногу и рядом бегущих,
правдивых и этих — скрывающих правду,
и лгущих, и мало и многоимущих,
летающих, ползающих, земноводных,
рыб, раков, тельцов, козерогов и прочих
живых и умерших, все их переводы,
и подлинники, и подстрочник,
дорогу в ромашках, котов, попугаев,
настольные лампы, детей, стариков и
тритонов, спаси, сохрани, не ругай их,
им больно.

Всё ещё

1

Ну вот и всё — кофейная весна,
сердечная простуда в ствол и корни,
а форточку внезапно распахни —
и кружатся по комнате снежинки,
но в тёплом неприметном закутке
окно во тьму, и огненное шоу
с бумажными платочками, и смех,
и бег вослед гигантскими скачками
смеющемуся поезду со мной
трех девушек, и недорасставанье,
и всё ещё, ну вот и всё — ещё.

2

объемное пространство снегопада
кружись кружись теряйся голова
сквози сквозь тело снежная ограда
прощай зима нет это я не вам
облизанная снегом в нос и щёки
уже почти приученная жить
во времени в его коварном счёте
весна растёт и дышит и дрожит

В той ещё кружке с Кузьминок прозрачной
снег продолжает идти напролом,
тёмными бликами вскользь обозначен
ломаный выпуклый вогнутый дом.
Я продолжаюсь. Глазами и светом
встречен прощальный порхающий всхлип.
Снегом по стёклам — легко и бесследно
кем-то смонтирован крошечный клип
жизни и смерти. Бессмертья и смерти.
Жизни и вечности, кружечный штамп,
зеркало слабое, свет на просвете,
буква на кончике карандаша.
Пишем наклонно, пунктиром по крышам,
смазав движением чёткость руки,
неба и выше, поднялись и пишем,
ходим и пишем му-ки му-зы-ки.

* * *

Это происки жизни, которая тащит гулять
за штанину, виляя хвостатым своим восхищеньем,
и я еду куда-то опять, и опять, и опять,
в заградинном покое рассматривая через щели

просочившийся свет и людей, говорящих сквозь рты,
изгибая причудливо губы на фоне молчанья,
говорящих без звука, из самой своей немоты,
это происки жизни, которые я замечаю.

Поддаваясь внезапному детству, смотрю изнутри
на печального дядю, лысеющего кучеряво.
Ничего, всё в порядке, на счёт, разумеется, три
я проснусь из него, но сейчас у меня всё в порядке.

Я хожу им, как будто во сне привыкая к ногам,
к расстоянью до пола, к пространству его обжитому,
к преферансу злопамяти, к яблокам и пирогам
бабы Нюры, к которой он ездил на лето в Житомир.

Это происки жизни хвостатой, летящей стремглав
зачинаться и только б успеть заскочить на подножку,
но я смутно уже понимаю, и я бы могла
не спешить, не заскакивать, просто уйти, если можно.

* * *

Задымление дня, освоенье туманом границ,
по обычаю емлемых оком, в тоске близорукой
свет сочится молочной сывороткой и по кругу
поворачивает мне земные орбиты глазниц.
Я проснусь, шевеля влажноватые комья её,
аккуратно взойду неприметной растительной хренью
и весь день простою, отдаваясь посту и смиренью,
проживая насквозь и наружу житьё-небытьё.
У тумана внутри ничего, только уши заложит
и, считай, полетал... раскрывая ковёр-парашют,
небо молча спустилось на поле, и крошечный шум
разбитного шмеля панораму тумана тревожит.

* * *

Атрофия листика, дистрофия
солнцевидных прутиков, жидковат
звукоряд чирикающих в эфире
воробьят и, может быть, жуковат.

Жуковато выглядит лес олений,
на охоту ходит с улыбкой ёж,
он поймал за голову и колени
половину рыжика, целый дождь.

Лена, Катя, выйдете, поглядите,
разве здесь побегает по утрам?
Отступает лес, и ползёт вредитель —
в муравьях живучий подъяёмный кран.

* * *

Снилась мне темнота. Как в детстве, в шкафу,
в тёмную комнату тихой войдёшь и в шкаф
влезешь, в вещах утонешь, в больших вещах
мамы и папы, а кто-то идёт искать,
кто-то уже ощупывает софу.

Нечем дышать, но спасенье — оно же смерть,
надо терпеть. Надо ждать, а потом бежать.
Вот и сидишь в темноте, крепко-крепко сжав
что-то из шерсти, пока голова, кружась,
не упадёт, продолжая во тьму смотреть.

Снилась мне темнота, просыпалась в сон
битыми пикселями. Постепенно поверхность её
становилась гладкой, как слово «район»,
и я отражалась в ней, и лицо моё
было мне не знакомо, и всё.

* * *

А. Соболеву

у тебя умерли я звоню
говорю глупое всё не то
у тебя с голосом хрипота
ты идёшь с кладбища по дождю
без пальто
умерли
умерла
умерла рождшая
под землёй
по земле с кладбища (под землёй)
(только что) с севера из ворот
(умерла) (мёртвая) (не живёт)
ты идёшь с кладбища дождь идёт
под землёй холодно и темно
не шепнёшь на ухо перед сном
не возьмёшь за руку перейти
на ту сторону в первый класс

* * *

Вот библиотека Ахматовой, возле которой наполовину умерли два сома. Я сама поймала сома, как писал Реформатский, поясняя процесс редукции в предупредном. Он живёт теперь у меня в аквариуме, усами помавая, обсасывая стеклянный уголок, приятно позеленевший. И зовут его Реформатский.

* * *

Становится прозрачнее. Дома
подняли брови. Солнце где-то рядом.
Оно грядёт. Зеркальная вода
предрассветенья глубока, озёрна.

Сейчас бы спать, но я не сплю во сне
под клёкоты пластинки патефонной,
сулящей повторяемость всего —
всего, всего. Как минимум — всего.

Февраль уходит, бормоча, весенний.
Мотивчик отступает в темноту,
струятся тени ввысь, растут растенья,
и я стою и, кажется, расту.

* * *

За это время я успела
родить детей,
привыкнуть к своему лицу,
понять, что душераздирающая жалость —
единственная верная любовь,
узреть, что я беспомощна,
что Бог нас не оставит,
но и не поможет
взойти на этот холм, откуда свет
всё сделает понятным и прощённым.
Не много,
но надежда остаётся,
и радость происходит,
и дышать,
и всякое дыханье...

Содержание

Гербариум теней

«Гербариум теней, библиотека лены...»	5
«Медленно обучаюсь передавать...»	6
«Лесов таинственный осень...»	7
«Отходи в сторону, не иначе...»	8
«перинатально спит на краю зимы...»	9
«Прерывисто дыханье сквозняка...»	10
«перестану узнавать...»	11
Проводы	12
«смотри уже осень летит с подоконника в сад...»	15
«Год на девятом месяце — всюю...»	16
«Это — ноябрь, рассмотри его медленно, жук...»	18
«Не дари ты их мне — ни живых, ни мёртвых...»	19
«Шла и посвистывала дырочкой...»	20
«в оба жаберных сердца качая утренний...»	21
«Слава Тебе, показавшему мне свет...»	22
«хочу быть крепкой старухой...»	23
«Молчит ночная фаланга света...»	24
«Посмотри в окно — всё ветрым-ветро...»	25
«ошеломлённые они стекают вдоль...»	26
«Воды крещенской иглы, синева...»	28
«Вестибулярный снег осваивает круг...»	29
«Господи, помилуй снег...»	30

Происки жизни

«Деревья в обмороке лютом...»	33
«Я живу в Домодедово, около леса...»	34
«Смеющихся громко, бегущих под ливнем...»	35
Всё ещё	36
«Это происки жизни, которая тащит гулять...»	38

«Задымление дня, освоенье туманом границ...»	39
«Атрофия листика, дистрофия...»	40
«Снилась мне темнота. Как в детстве, в шкафу...»	41
«у тебя умерли я звою...»	42
«Вот библиотека Ахматовой...»	43
«Становится прозрачнее. Дома...»	44
«За это время я успела...»	45

Надя Делаланд. Сон на краю

составитель, редактор:

А. Переверзин

художник:

С. Труханов

корректор, технический редактор:

О. Тузова

издательство «Воймега»

voymega@yandex.ru

alkonost.mail@gmail.com

Подписано в печать 21.04.2014.

Формат издания 60x90/16. Усл. печ. л. 3

Тираж 500 экз.

Надя Делаланд родилась в Ростове-на-Дону. Окончила филфак Ростовского госуниверситета, кандидат филологических наук. Сейчас работает над докторской диссертацией в СПбГУ. Автор книг «Эрос, танатос, логос» (2005), «абвгд и т. д.» (2007), «На правах рукописи» (2009), «Писаная торба» (2010) и других, а также многочисленных публикаций в периодике. Живёт в подмосковном Домодедове.